УДК 72.032(38)
DOI: 10.28995/2686-7249-2019-10-38-53

Фрагменты ионического фриза из Нимфея: особенности композиции и исполнения декора

Елена А. Савостина

Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова при Российской академии художеств, Москва, Россия, esav@yandex.ru

Ольга Ю. Соколова

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия, oyusokol@mail.ru

Аннотация. При раскопках боспорского города Нимфей (Северное Причерноморье) были найдены два известняковых блока, относящиеся к ионическому фризу. Украшающий их рельефный растительный орнамент, состоящий из вьющейся ветви аканфа с отростками в виде пальметт, лилий, розетт, выполнен с большим мастерством. В изготовлении фриза участвовало, как минимум, два камнереза, стилистическую манеру которых можно легко различить по трактовке деталей. Мастера, создающие общий орнамент «вьющейся ветви», работали по одной парадигме, но при этом приспосабливали декор к конструктивным реалиям, растягивая «волны» горизонтальной ветви в зависимости от длины блока и его положения в структуре фриза. Они намечали и будущее расположение значимых элементов. Следы разметки сохранились в виде углублений, оставленных буравом, в них уцелели остатки красочного слоя, дающего представление о полихромном характере этого фриза: рельефный декор располагался на голубом фоне, в окраске цветов присутствовал красный цвет. Полной аналогии насыщенной и вместе с тем изящной композиции растительного фриза в архитектуре пока не встречалось, однако его основной мотив получает широкое распространение в различных видах и формах искусства. По характеру исполнения отдельных элементов очевидно, что в таком виде орнамент сложился к середине IV в. до н. э. Ко второй половине IV в. до н. э. мы склонны отнести и рассматриваемые блоки из Нимфея.

Ключевые слова: древнегреческая архитектура, ионический фриз, Северное Причерноморье, Нимфей, археология, Боспор, растительный орнамент

Для цитирования: *Савостина Е.А., Соколова О.Ю.* Фрагменты ионического фриза из Нимфея: особенности композиции и исполнения декора // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 10. С. 38–53. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-10-38-53.

© Савостина Е.А., Соколова О.Ю., 2019

Fragments of the Ionic Frieze from Nymphaeum: Characteristics of composition and execution of decor

Elena A. Savostina

Moscow Surikov State academic art Institute at the Russian Academy of arts, Moscow, Russia, esav@yandex.ru

Olga Yu. Sokolova

State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia, oyusokol@mail.ru

Abstract. During the archaeological excavations of the Bosporan polis Nymphaeum (Northern Black sea area) two limestone blocks of Ionian frieze were found. The decorative floral relief, consisting of a winding branch of the acanthus with offshoots of palmettes, lilies and rosettes, is made with great skill. At least two stonemasons were involved in the work, and their stylistic manners can easily be distinguished in their rendering of details. The masters creating the common ornament of "a winding dranch" worked within one paradigm, but at the same time adapted the decor to constructive realities by extending the curves of horizontal "branches" to fit the dimensions of particular blocks of stone and their functions in the design of the frieze. They marked the location of the critical elements, of which traces preserved in the form of grooves left by the drill;where the remains of the paint layer preserved too what gives an idea of the polychrome character of the frieze survived. Thus ornamental relief was located on a blue background, the red color was present in the color of the flowers. No complete analogy to the rich and at the same time elegant composition of the plant frieze has yet been found in architecture but its main motif is widely used in various types and forms of art. Judging by the character of the individual elements execution, it is obvious that in such a form the ornament took shape by the middle of the fourth century BC. The authors are inclined to attribute the blocks of the Nymphaeum considered here to the second half of the fourth century BC.

Keywords: greek architecture, ionic frieze, Northern Black Sea area, Nymphaeum, archaeology, Bosporos, floral ornament

For citation: Savostina, E.A., Sokolova, O.Yu. (2019), "Fragments of the Ionic Frieze from Nymphaeum: characteristics of composition and execution of decor", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series,* no. 10, pp. 38-53. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-10-38-53.

За 200 лет изучения античной Греции археология чрезвычайно расширила наши представления об ее истории, культуре и искусстве, в результате чего сложилась объемная и полнокровная картина греческого мира. Но и в ней еще многое не прояснено, что особенно очевидно в отношении колоний, основанных греками на окраинах обжитой ими земли, ойкумены. Здесь жизнь

протекала в собственном ритме и отличалась локальными особенностями. Здесь формировалась своя художественная среда, о чем можно судить исключительно на основании археологических находок. Не так много свидетельств архитектурных сооружений либо деталей их декора сохранилось в Северном Причерноморье, поэтому каждый новый памятник, происходящий с греческой периферии, должен быть рассмотрен максимально подробно, чему, собственно, и посвящен представленный материал.

Древнегреческий полис Нимфей, расположенный на западном берегу Керченского пролива и долгое время сохранявший свою независимость, отличался своеобразием, которое не было снивелировано и после включения его в состав Боспора Киммерийского при Сатире I (после краха Делосского союза в 405 г. до н. э.). Об этом свидетельствуют хотя и немногочисленные, но имеющие яркий индивидуальный характер детали архитектурных сооружений, найденные как на месте существования связанных с ними построек (фрагменты знаменитых нимфейских пропилей с посвятительной надписью, недавно обнаруженные ряды театрона [Соколова, Павличенко 2002, с. 99–121; Соколова 2014, с. 154–165]), так и во вторичном использовании.

Архитектурные фрагменты, о которых пойдет речь, на очередном этапе строительства в Нимфее были сброшены в яму как забутовка. Их обнаружили в 2007 г. в ходе работ Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством О.Ю. Соколовой (ил. 1)[1]. Всего в *яме 25* было найдено более 30 архитектурных деталей и несколько десятков мелких фрагментов[2]. Часть их явно принадлежала двум найденным там же крупным известняковым блокам с растительным орна-

---

[1] Участок «М», юго-западный раскоп, кв. 4, яма 25, см.: *Соколова О.Ю.* Полевой отчет Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 2007 год. СПб., 2008. С. 15–16.

Яма 25 (устье – 5.54 м, дно – 7.88 м от репера). Диаметр устья 2,4 м. Заполнение: верхний слой – светло-серый суглинок (до 0,16 м), ниже – темно-серый рыхлый суглинок, встречена камка (до 1,25 м), с 1,30 м заполнение разделено на две части: с-з – серо-коричневый рыхлый суглинок и ю-в – темно-коричневый плотный суглинок. Материал из заполнения ямы мешаный, с преобладанием эллинистического. Комплекс архитектурных деталей обнаружен на глубине 6.46 м от репера.

[2] *Соколова О.Ю.* Полевой отчет Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 2007 год. СПб., 2008. С. 16, Табл. 70–72, 75–81.

Ил. 1. Находка блоков ионийского фриза. Раскопки Нимфея в 2007 г. (фото Д. Степанова)

ментом: на одном из них (КЛ-2411)[3] был собран из четырех обломков и подклеен цветок[4]. Другая часть мелких фрагментов – среди них такой элемент, как *половина розетки*, изображенной на лицевой части конусообразной детали, – не сразу нашла свое место, но постепенно и ее роль в орнаментальной композиции была прояснена. Настоящие заметки будут касаться двух плит с растительным декором (ил. 2, 3). Определенно эти фрагменты относились к так называемому непрерывному ионическому фризу [Ginouv's 1992, p. 118], в котором один из них служил рядовым блоком, другой, судя по орнаменту, переходящему на торцевую (поперечную) грань, был угловым.

[3] Мы чрезвычайно признательны за те профессиональные консультации, которые оказали нам в анализе деталей и орнамента фриза архитектор Ю.П. Мосунов, а также реставратор и хранитель, заведующая Лапидарием Восточно-крымского историко-культурного музея-заповедника Н.Л. Кучеревская. Ныне блоки фриза хранятся в собрании Лапидария: КЛ-2410, оп. 424, КЛ-2411, оп. 425.

[4] Первоначально его определили как арацею, но, скорее всего, это лилия. Арацея здесь иная, ее видим на блоке КЛ-2410.

Ил. 2. Рядовой блок фриза с растительным орнаментом из Нимфея (фото Е.А. Савостиной)

Блок рядовой (КЛ-2410): размеры 108 × 52 × 28 см. Обе боковые стороны обработаны в технике анаферозис. На верхней грани по центру вырезаны три паза, 5, 8 и 5 см длиной и небольшой глубины (от 0,5 см). Сохранились Т-образные пазы с левого (10 × 8,5 см) и правого краев блока для установки двутавровой металлической скобки, укрепляющей кладку фриза в местах примыкания частей [Dinsmoor 1922, pp. 148–158; Schmidt-Colinet, Plattner 2004, s. 95, abb. 149]. Судя по системе крепления блоков, можно утверждать, что фриз в этой части явно имел продолжение по продольной стороне (вторая «Т» двутавровой скобки приходилась на следующий блок), несмотря на то, что растительный орнамент здесь завершает свое развитие.

Блок угловой (КЛ-2411): размеры 99 × 51,5 × 25 см, на верхней плоскости примерно по центру сохранился прямоугольный свинцовый штырь 5,5 × 3 см. На расстоянии 13 см от левого края верхней грани имеется неглубокий Г-образный паз (11 × 8 см). На таком же расстоянии от правого края вырезан Т-образный паз (12 × 8 см). Очертания его нечеткие из-за разрушенных краев. Заметим, что способ крепления блока с соседним с одной стороны отличается от блоков продольного ряда. Этим наблюдениям соответствует и орнамент, заходящий на торцевую сторону. Но вторая сторона соединялась со следующей плитой лицевого ряда также двутавровой скрепой. На верхней горизонтальной поверхности сохранились и

Ил. 3. Угловой блок фриза с растительным орнаментом из Нимфея (фото Е.А. Савостиной)

следы линейной разметки для установки верхних элементов стены. На нижней грани углового блока сохранился горизонтальный паз 2 × 5 см, также необходимый для монтажа. Таким образом, на поверхностях блоков наблюдаются следы как крепежных соединений, так и контактных штырей, применявшихся при монтаже частей здания [Spawforth 2006, p. 61].

Лицевая поверхность блоков прекрасной сохранности, за исключением сколов по краям. Характерно, что сбиты именно верхние углы плит фриза – такие повреждения получаются при падении блоков с высоты разрушающегося здания, когда при сильном наклоне соседние части упираются друг в друга. Но главный интерес, безусловно, вызывает сохранившийся на гладком фоне плит обоих блоков *рельефный орнамент* в виде вьющейся ветви аканфа (тип «вьющаяся ветвь»), от которой отходят побеги, цветы и пальметты.

Основой композиционного построения орнамента фриза является волнообразный стебель, «растущий» в направлении слева направо непрерывно, без обозначения его истоков. В правой части блока КЛ-2410 сохранилось его хорошо акцентированное окончание. Из вершин и впадин волн стебля произрастают спиральные завитки, места ответвления которых от стебля скрыты аканфовыми листьями. Подобные листья, но меньших размеров, украшают и сами завитки. Далее, из впадин волн стебля, помимо завитков,

берут начало тонкие, достаточно высокие побеги, завершающиеся пальметтами. Последние являются важным структурным элементом орнаментального фриза, вносящим в главный – горизонтальный – вектор композиции вертикальную составляющую. Кроме того, пальметты четко фиксируют шаг каждой волны, тем самым обогащая сложную ритмику резного фриза. В свою очередь, из вершин стебля, помимо спиральных завитков, произрастают тонкие побеги, подобные усикам вьющихся растений, завершающиеся изображениями лилий и розеток, которые заполняют собою промежуток между пальметтами.

Основа орнаментальной композиции – волнообразный стебель – имеет витую поверхность, образованную неглубокими, напоминающими каннелюры, желобками. Витая поверхность на вершинах и во впадинах волн стебля переходит небольшим раструбом в кольцеобразный перехват, служащий основанием для листьев аканфа. Эти листья, как и листья спиральных завитков, являются наиболее реалистично выполненными элементами фриза, что отличает их от остальных, в разной степени стилизованных элементов. Листья характеризуются замечательной живостью как общего рисунка, так и деталей. Нельзя не заметить довольно близкую к натуре трактовку их краев – с сильно изрезанными живописными очертаниями и слегка загнутыми наружу кромками. При резьбе здесь очевидно использовался тот же резец, что и для желобков основного стебля.

Спиральные завитки состоят из двух частей, разделенных небольшими парными аканфовыми листьями. Ответвляющаяся от стебля первая часть имеет слегка граненую поверхность, которая раструбом переходит в «перехват» – основание парных листьев. Суживающаяся к концу вторая часть завитка исполнена в виде побега с лицевой поверхностью, образованной двумя фасками, сходящимися к ее оси.

Побеги пальметт также разделены совсем небольшими листьями на две части – нижнюю слегка граненую и верхнюю гладкую, круглую в сечении. Последняя завершается «средником» пальметты, из которого берут начало десять S-образных пальмовых листьев. Каждый лист по оси разделен острым ребром на две половины с немного вогнутой поверхностью. Контур листьев подчеркнут слегка выраженным ребром. Между пятым и шестым листьями находится мелкая четырехлепестковая розетка.

Растущие на вьющихся стебельках-усах лилии выполнены весьма искусно. Их верхние, загибающиеся наружу части имеют полнообъемное решение. Достаточно плоские в поперечном сечении лепестки разделяются плоской же прожилкой, а по краям они

оконтурены легкой кромкой. Сердцевиной цветка является крупный конический «пестик» с зернистой поверхностью (как у арацеи). Растущие на таких же усах, что и лилии, розетки представляют собою наиболее стилизованную, можно сказать, наиболее схематично решенную из всего арсенала мотивов, деталь фриза. Она (если это розетка не из центра пальметты) состоит из двух концентрично расположенных восьмилепестковых розеток. Откровенно условная трактовка этого элемента искупается тем, что каждая розетка индивидуальна. Наиболее объемную форму получила розетка на блоке КЛ-2410.

На обоих блоках есть и неповторяющиеся мотивы и элементы. На блоке КЛ-2410 сохранилось окончание основного волнообразного стебля. Оно выполнено в виде двух спаренных спиральных завитков, направленных вниз. Более крупный из них имеет достаточно «типовое» решение, а более мелкий обладает некоторыми особенностями. Основную часть последнего составляет слегка граненый побег, а меньшую – раздвоенный. Нетиповой деталью фриза является и арацея, растущая из листьев более крупного завитка.

Несмотря на то, что вьющаяся аканфовая ветвь здесь завершается, крепежные конструкции указывают на то, что сам фриз имел продолжение. Можно думать, что с правой стороны к этому блоку подходили плиты с симметрично расположенным орнаментом, как это видим в декоре наиска в Дидимах [Pfrommer 1986, Taf. 27, 4] или симы храма в Мессе на Лесбосе второй половины IV в. до н. э. [Pfrommer 1986, s. 78], над которыми располагался антефикс [Pfrommer 1986, Taf. 24, 2].

На блоке КЛ-2411 сохранился угол фриза (ил. 4). В характере его оформления отразились трудности, с которыми столкнулся мастер, решая проблему поворота непрерывного в своем движении стебля с одной плоскости на другую (огромный, несколько аморфный лист аканфа, «суета» спиралей). Вызывает вопросы неоконченность спиральных завитков и пальметты. Все это, на первый взгляд, может не вполне увязываться с очень высоким качеством остальной части рельефной декорации фриза, отличающейся гармоничным композиционным решением и первоклассной техникой резьбы по камню.

Мастера рельефа фриза – по стилю исполнения элементов обоих блоков можно с уверенностью отнести их к работе двух разных камнерезов – достаточно творчески подошли к созданию декора и проявили собственную индивидуальную манеру в его изготовлении. Так, на одном блоке аканф более сочный, «жирный», более «мясистые» и цветки розетты (КЛ-2410), форма лепестков розетт различается на разных блоках, как и форма листьев пальметт. Го-

Ил. 4. Угловой блок фриза с растительным орнаментом из Нимфея. Деталь (фото Е.А. Савостиной)

ризонтальный элемент декора – ветвь аканфа – на разных блоках вьется с некоторым сдвигом «волн» относительно друг друга (что очевидно при наложении их изображений), и это, скорее всего, объясняется разной длиной их изобразительной поверхности (длина блоков: 108 и 99 см – угловой).

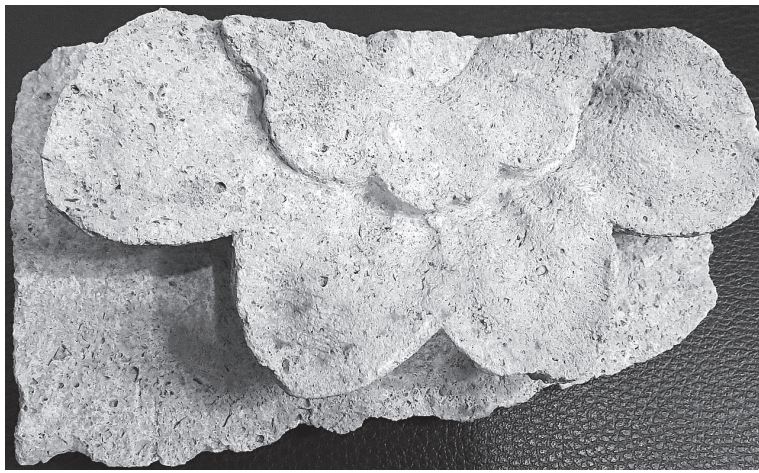
Одно время считалось, что греческая декорация практически не адаптируется к архитектурным формам, но детальное изучение применения греческого орнамента опровергает это утверждение. Важно, что мы имеем дело не просто с мотивом, который для того или иного случая выбирается из репертуара греческого декора, но также с принципами, по которым он располагается в каждой архитектурной детали [Marquand 1909, p. 165]. Не зря ионийская практика считается более гибкой, чем дорийская [Jones 2014, p. 115]. В нашем случае гармония фриза регулируется не только длиной блоков, но также и орнаментальными формами: растягивается побег по лицевой грани фриза, один из завитков его, пришедшийся на угол фриза и переходящий на его поперечную грань, показан с расширенным, утолщенным листком аканфа, в чем явно можно усмотреть приспособление орнамента к реалиям. Пальметта, рас-

Ил. 5. Следы разметки буравом орнамента на блоке фриза из Нимфея (фото Е.А. Савостиной)

положенная на углу, также симметрично расширена по сравнению с пальметтами линейных плоскостей – подобное встречаем и на углу сухарного фриза в Приене [Marquand 1909, p. 270, fig. 325].

Однако точность, с которой соблюден орнаментальный «шаг», построены волны ветви, свидетельствует о том, что резчики, сколько бы их ни было, работали по одной парадигме. Хотя и без жесткого копирования расположения завитков горизонтального элемента-ветви, «шаг» и общий ритм декорационной композиции удерживается благодаря распределению вертикальных элементов декора: пальметт, лилий, розетт – на всей протяженности фриза.

Любопытно, что сохранились свидетельства предварительной разметки местоположения и абриса будущих орнаментальных компонентов: на некоторых «сложных» участках наблюдаются проделанные буравом крошечные углубления. На рядовом блоке они заметны вдоль листьев первой пальметты, ниже раздваивающегося побега, большое скопление их концентрируется вокруг небольшой розетки, расположенной внутри второй пальметты, предваряя ее точное размещение (ил. 5), как и на другом блоке – угловом. Здесь следы намечающей общий узор разметки прослеживаются и под аканфовым листом, из которого поднимается лилия, и множественно – по очертаниям завитка отростка, закручивающегося из почки (крайний слева).



Ил. 6. Половина розетки из орнаментальной композиции фриза из Нимфея (фото Н. Кучеревской)

Несомненно, что уже сами по себе такие метки камнерезов представляют большой интерес, к тому же подобные свидетельства приемов античного ремесла довольно редки – можно назвать в качестве примера растительный орнамент симы Галикарнасского мавзолея. Но для нашего случая и ритмическая структура декора, и его сохранившаяся разметка имеют дополнительное, особенное значение.

Благодаря повторяющемуся «шагу» и ясному ритму в композиционном построении орнамента, можно утверждать, что по ходу его развития на определенном участке – в месте состыковки блоков фриза – должна была снова оказаться розетка. Это позволяет решить судьбу небольшого фрагмента, отмеченного среди находок в той же яме – *половины розетки* (ил. 6). Возможно, она была частью целого блока, но нельзя исключить, что такие половинчатые детали встраивались в вертикальную и горизонтальную грани фриза, представляя собой специальные вкладки: соответственно левую и правую, вставляющиеся с обеих сторон рядовых блоков. В любом случае, при совмещении блоков половинки розетт соединялись друг с другом, образуя целую розетту и включаясь в общий орнаментальный ряд. Найденная половинка заметно отличается от обеих разновидностей розетт, что расположены на блоках, не только по стилю, но и качеству отделки. Вероятно, их сначала делали начерно, а потом дорабатывали по месту – уже как целый цветок.

Нельзя исключить и того, что найденная розетка принадлежала еще одному блоку фриза, ныне утраченному. Однако общая схема изготовления орнамента с применением элементов-половинок очевидна. На наш взгляд, эта система необычна и заслуживает самого пристального внимания. Интересна и еще одна особенность этого фрагмента: на той его части, что относилась к горизонтальной поверхности, сохранилась прорезанная линия разметки, усиленная красной краской. Очевидно, она продолжала линию, начертанную на верхней поверхности блока (третий блок фриза?), корректирующую монтаж верхнего элемента антаблемента. По ее расположению относительно самого цветка можно заключить, что перед нами левая часть составной розетки. Такая линия прочитывается и на угловом блоке, который, к сожалению, в этом месте сильно поврежден.

Сделанные для разметки орнамента углубления сослужили еще одну неоценимую службу в исследовании: в них уцелели следы краски, покрывавшей поверхность плиты. Фон фриза был голубым (анализ пока не дал точных результатов состава покрытия), сохранились также следы красной краски на листьях двух пальметт и пестике лилии. При определенном освещении можно заметить, что и сам вьющийся стебель отличается от фона фриза – как будто на нем проступает черный цвет. Но природу этого эффекта пока не удалось прояснить.

Полихромия в архитектуре давно перестала считаться чем-то удивительным [Spawforth 2006, p. 67]. После ряда исследований в этой области такие находки вполне ожидаемы. Синие фоны известны в ионийском фризе Сифносской сокровищницы в Дельфах, в зофорном фризе Парфенона, во фризе с амазономахией в мавзолее Галикарнаса [Jenkins 2006, p. 37], в упомянутой симе того же мавзолея тоже прослеживается остаток голубого фона, на котором показан растительный орнамент. Известны следы полихромии и в декоре храма в Мессе на Лесбосе [Spawforth 2006, p. 68]. Однако в наших боспорских реалиях сохранность архитектурных фрагментов не позволяет делать какие-то широкие обобщения, поэтому каждое такое наблюдение представляет самостоятельную ценность.

Проблема атрибуции фриза вызывает определенные сложности, поскольку его характерные элементы в подобном сочетании и в таком исполнении пока не встречены в архитектуре. Отличаются форма и длина вьющейся ветви, завиток и тип самого стебля – каннелированного и перекручивающегося. Близкий, хотя не идентичный нимфейскому «скручивающийся» стебель видим в украшении симы толоса в Дельфах и храма Афины в Приене, а также храма в Мессе на Лесбосе второй половины IV в. до н. э., [Pfrommer 1986, Taf. 24, 3; Lawrence 1996, p. 146, fig. 228; Spawforth 2006, p. 186]. В какой-то сте-

пени аналогом основного мотива «стебель-завиток» может служить шейка капителей Галикарнасского мавзолея (350 г. до н. э.).

Растительный орнамент стал необычайно популярен в IV в. до н. э. В середине столетия он приобрел ажурность и вместе с тем некоторую витиеватость, пышность. В период поздней классики – раннего эллинизма он в буквальном смысле заполонил все виды греческого искусства: его можно видеть и в монументальных произведениях, в архитектурном декоре и мозаике [Dunbabin 1999, Nalimova 2017], в вазописи, среди которой, безусловно, апулийская занимает особое место, и в торевтике, наиболее яркие образцы которой, близкие по структуре декора, сосредоточены в Северном Причерноморье – ритон из кургана Карагодеуашх [Pfrommer 1986, s. 80], пектораль из кургана Толстая могила [Мозолевський 1979].

Вопрос о происхождении и развитии различных типов и видов орнамента, о механизме их распространения на обширных территориях, а также заимствования одним видом искусства у другого уже давно стал предметом обсуждения [Колесников 1992, с. 217]. Несмотря на различные свойства материалов, из которых изготавливается предмет, в определенный момент наблюдается сильное взаимовлияние, совокупность вкусов, будто все копируют и перенимают мотивы, черпая их как бы из общей копилки. Однако всегда хотелось бы наметить собственную, «видовую» линию развития. В монументальной архитектуре IV в. до н. э. мотив вьющейся ветви не был напрямую связан с заимствованием из репертуара, например, вазописи. Возможно, скорее наоборот, южноиталийская вазопись опиралась на более ранние традиции, привнесенные в Великую Грецию. Растительный мотив в сицилийской архитектуре проявился очень рано, о чем говорят находки в Сиракузах частей алтаря середины VI в. до н. э., разрушенного при строительстве Гелоном нового храма Афины. Они представляли собой блоки с рельефным орнаментом: пальметта с расходящимися от нее вьющимися ветвями [Holloway 2000, p. 72]. Однако появление этого орнаментального мотива в архитектуре может быть отмечено еще ранее, в росписях архитектурной терракоты, например, архаического антефикса из Афин, композиция и очертания вьющегося побега на котором чрезвычайно напоминает сицилийский декор [Martin 1965, p. 99, fig. 47]. В дальнейшем орнамент, включающий короткие отрезки стебля, начинает не только перемежаться пальметтами и цветками лотоса, но в нем постепенно удлиняется ветвь, и она закручивается в самостоятельные завитки – такой орнамент появляется на эпикрании в храме Афины Афайи на Эгине, начало V в. до н. э. [Martin 1965, p. 171, fig. 198], и в этом можно видеть как бы начало развития «вьющейся ветви».

В традиции обращения к мотиву вьющегося побега любопытным можно назвать тот факт, что его применяют в постройках дорического ордера для украшения небольших элементов: стена и сима храмов Афины Афайи и Афины Алеи, украшение симы в Приене [Lawrence 1996, p. 144], Филиппейоне в Олимпии, где появляются первые комбинированные фризы «смешанного типа» [Ginouv's 1992, p. 118, no 514]. Добавим сюда храм Геры в Аргосе, северо-восточный портик на Фасосе, южную стою в Коринфе [Coulton 1977, Lawrence 1996, p. 194] и толос в Эпидавре, с характерным обрамлением кассет его потолка [Lawrence 1996, p. 139, fig. 216]. Фрагмент «непрерывного фриза» с орнаментом вьющейся ветви найден в северопричерноморском Херсонесе, наряду с прочими деталями его определяют как принадлежность храма IV в. до н. э. [Пичикян 1984, с. 172, рис. 1, *5–7*; Буйских 2008, с. 379, рис. 84, *2–4*]. Однако нужно отметить, что не только сам этот фриз имеет меньшую высоту (22,5 см), но иначе организованы и завиток аканфа, и вся орнаментальная композиция.

Возможно, в дальнейшей работе с фрагментами из Нимфея многие детали будут прояснены. Со временем будет переосмыслено и значение этого произведения для архитектуры Боспора. Но уже сейчас можно сказать, что этот фриз второй половины IV в. до н. э. по мастерству и качеству исполнения уникален не только для Боспора, но и для других центров эллинского мира, где в это же время в архитектурном декоре разрабатывался схожий орнаментальный мотив. Ни в одном центре мы не видим ничего подобного. И это предполагает два варианта объяснения: либо эти находки еще впереди, либо мы снова и в который раз сталкиваемся с уникальными решениями, построенными на развитии и адаптации привнесенных приемов. Но это как раз то, что вполне уже можно называть боспорской традицией.

Литература

Буйских 2008 – *Буйских А.В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum. Симферополь, 2008. Вып. 5. 424 с.

Колесников 1992 – *Колесников М.А.* II Международная конференция по греческой архитектурной терракоте классического и эллинистического времени (Афины, 1991) // Вестник древней истории. 1992. № 4. С. 216–218.

Мозолевський 1979 – *Мозолевський Б.М.* Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. 252 с.

Пичикян 1977 – *Пичикян И.Р.* Храм ионийского ордера в Херсонесе (попытка реконструкции) // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977. С. 169–176.

Соколова, Павличенко 2002 – *Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвятительная надпись из Нимфея // Hyperboreus: Классическая филология и история. Санкт-Петербург, 2002. Vol. 8, fasc. 1. С. 99–121.
Соколова 2014 – *Соколова О.Ю.* Нимфейская археологическая экспедиция (1939–2013) // Экспедиции. Археология в Эрмитаже. СПб.: Славия, 2014. 360 с. С. 154–165.
Coulton 1977 – *Coulton J.J.* Greek Architects at Work: Problems of Structure and Design. London, 1977.
Dinsmoor 1922 – *Dinsmoor W.B.* Structural iron in Greek architecture // American journal of Archaeology. 1922. Vol. 26. P. 148–158.
Dunbabin 1999 – *Dunbabin K.M.D.* Mosaics of the Greek and Roman World. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 357 p.
Ginouv's 1992 – *Ginouv's R. etc.* Dictionnaire méthodique de l'architecture grecque et romaine. Vol. II. Eléments constructifs: supports, couvertures, aménagements intérieurs. Rome: École Francaise de Rome, 1992. 490 p.
Jenkins 2006 – *Jenkins I.* Greek Architecture and its Sculpture. London: The British Museum Press, 2006. 271 p.
Jones 2014 – *Jones W.M.* Origins of Classical Architecture: temples, orders and gifts to the Gods in Ancient Greece. New Haven; London: Yale University Press, 2014. 304 p.
Holloway 2000 – *Holloway Ross R.* The Archaeology of Ancient Sicily. London: Routledge, 2000. 211 p.
Lawrence 1996 – *Lawrence A.W.* Greek Architecture / R.A. Tomilson (rev.). London; New Haven: Yale University Press, 1996. 244 p.
Marquand 1909 – *Marquand A.* Greek Architecture. New York: The Macmillan Company, 1909. 413 p.
Martin 1965 – *Martin R.* Manuel d'architecture greque. Matériaux et techniques. In 2 vols. Paris: Picard, 1965. Vol. 1. 429 p.
Nalimova 2017 – *Nalimova N.* The Origin and Meaning of Floral imagery in the Monumental Art of Macedonia (4th–3rd centuries BC) // Македония – Рим – Византия: искусство Северной Греции от античности до средних веков. М.: Университетская книга, 2017. С. 13–35.
Pfrommer 1986 – *Pfrommer M.* Bemerkungen zum Tempel von Messa auf Lesbos // Ist Mitt. 36, 1986. S. 77–94.
Schmidt-Colinet 2004 – *Schmidt-Colinet A., Plattner G.A.* Antike Architektur und Bauornamentik: Grundformen und Grundbegriffe. Wien: WUV, 2004. 152 s.
Spawforth 2006 – *Spawforth T.* The Complete Greek Temples. London: Thames & Hudson, 2006. 240 p.

References

Bujskih, A.V. (2008), "Spatial development of Tauric Chersonesos in ancient times", *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. Supplementum. Vol. 5* [Materials on archeology, history and Ethnography of Tavria], Simferopol, Ukraine.
Coulton, J.J. (1977), *Greek Architects at Work: Problems of Structure and Design*, London, UK.
Dinsmoor, W.B. (1922), "Structural iron in Greek architecture", *American journal of Archaeology*, vol. 26, pp. 148–158.
Dunbabin, K.M.D. (1999), *Mosaics of the Greek and Roman World,* Cambridge University Press, Cambridge: UK.
Ginouv's, R. (1992), *Dictionnaire méthodique de l'architecture grecque et romaine*, vol. II. *Eléments constructifs: supports, couvertures, aménagements intérieurs*, École Francaise de Rome, Rome, Italy.

Holloway, Ross R. (2000), *The Archaeology of Ancient Sicily,* Routledge, London, UK.
Jenkins, I. (2006), *Greek Architecture and its Sculpture,* The British Museum Press, London, UK.
Jones, W.M. (2014), *Origins of Classical Architecture: temples, orders and gifts to the Gods in Ancient Greece,* Yale University Press, London; New Haven, USA; UK.
Kolesnikov, M.A. (1992), "II international conference on Greek architectural terracotta of classical and Hellenistic times (Athens, 1991)", *Vestnik drevnej istorii,* vol. 4, pp. 216–218.
Lawrence, A.W. (1996), *Greek Architecture*, R.A. Tomilson (ed.), Yale University Press, New York, USA.
Marquand, A. (1909), *Greek Architecture*, The Macmillan Company, New York, USA.
Martin, R. (1965), *Manuel d'architecture greque. Matériaux et techniques,* in 2 vols, vol. 1, Picard, Paris, France.
Mozolevs'kij, B.M. (1979), *Tovsta Mogila* [Thick Grave], Naukova dumka, Kiïv, Ukraine.
Nalimova, N. (2017), "The Origin and Meaning of Floral imagery in the Monumental Art of Macedonia (4th–3rd centuries BC)", in *Makedoniya – Rim – Vizantiya: iskusstvo Severnoi Gretsii ot antichnosti do srednikh vekov* [Macedonian – Roman – Byzantine: The Art of Northern Greece from Antiquity to the Middle Ages], Moscow, Russia, pp. 13-35.
Pichikyan, I.R. (1977), "Temple of the Ionian order in Chersonesos (reconstruction attempt", *Istoriya i kul'tura antichnogo mira*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 169-176.
Pfrommer, M. (1986), "Bemerkungen zum Tempel von Messa auf Lesbos", *Ist Mitt*. vol. 36, pp. 77–94.
Schmidt-Colinet, A., and Plattner, G.A. (2004), *Antike Architektur und Bauornamentik. Grundformen und Grundbegriffe,* WUV, Wien, Austria.
Sokolova, O.Yu. and Pavlichenko, N.A. (2002), "A new dedicatory inscription from Nymphaeum", *Hyperboreus: Klassicheskaya filologiya i istoriya* [Hyperboreus. Classical Philology and History], vol. 8, fasc. 1, Saint-Petersburg, Russia.
Sokolova, O.Yu. (2014), "Nymphean archaeological expedition (1939-2013)", *Ekspedicii. Arheologiya v Ermitazhe* [Expeditions. Archeology in the Hermitage], Slaviya, Saint-Petersburg, Russia.
Spawforth, T. (2006), *The Complete Greek Temples*, Thames & Hudson, London, UK.

Информация об авторах

Елена А. Савостина, доктор искусствоведения, Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова при Российской академии художеств, Москва, Россия; 109544, Россия, Москва, Товарищеский пер., д. 30; esav@yandex.ru

Ольга Ю. Соколова, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия; 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 38; oyusokol@mail.ru

Information about authors

Elena A. Savostina, Dr. of Sci (Art History), The Surikov Moscow State Academic Art Institut, Moscow, Russia; bld. 30, Tovarishcheskiy per., Moscow, 109544, Russia, esav@yandex.ru

Olga Yu. Sokolova, the State Hermitage, St.-Petersburg, Russia; bld. 38, Dvortzovaja nab., St.-Petersburg, 191186, Russia, oyusokol@mail.ru